

СОВРЕМЕННЫЙ МІРЪ

1911

СОВРЕМЕННЫЙ МІРЪ

СОДЕРЖАНИЕ №6

	стр.
1. ПРОКЛЯТЫЙ РОДЪ. Романъ. (Продолженіе). Ив. Рукавишникова.	3
2. МОРЕ ВЪ ТУМАНЪ. Стихотвореніе. Павла Тулуба.	64
3. ИНГВА. Повѣсть. В. Стршевскаго.	65
4. БУРЕЯ. Разсказъ. Н. Матеѣва.	85
5. ХИРУРГЪ. Разсказъ. Отто Рункъ. Переводъ съ нѣм. В. Величкиной.	107
6. ТУМАНЪ. Стихотвореніе. А. Федорева.	119
7. ОДЕРЖИМЫЙ. Романъ Камила Лемонье. Авториз. перев. съ франц. С. А. Лопашева	122

Во избѣжаніе перерыва
въ высылкѣ журнала

контора покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ,
внесшихъ 4 р. 50 к. (за первое полугодіе), озабо-
таться своевременной уплатой слѣдующаго взноса.

—> ПРОСИМЪ ВЫСЛАТЬ АДРЕСЪ-БАНДЕРОМЪ.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ:

С.-Петербургъ, Надеждинская, 33, кв. 5.

8. М. А. БАЛАКИРЕВЪ ВЪ ПРАГѢ. (Изъ его переписки). Г. Тимофеева.	147
9. ХМѢЛЬ. Стихотвореніе. Саши Чернаго.	186
10. ВЪ ЛУЗИТАНСКОЙ РЕСПУБЛИКѢ. (Замѣтки и наблюденія). Е. Адамова	187
11. НОВѢЙШЕЕ СОЦІАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО. (Окончаніе) В. Капелюша.	218
12. ПОЭЗІЯ БОЛЬШОГО ГОРОДА. В. Фриче.	230
13. У ЗАКАВКАЗСКИХЪ ДУХОБОРЦЕВЪ. В. Бончъ Бруевича.	237
14. ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННАЯ БУРЖУАЗІЯ О ЗЕМСКОМЪ ОБЛОЖЕНІИ. І. Дроздова.	265
15. БУДНИ СОВРЕМЕННОЙ ДЕРЕВНИ. И. Коновалова	275
16. И. А. КОНОВАЛОВЪ. Некрологъ. В. Л.-Р.	289
17. ВОПРОСЫ ТЕКУЩЕЙ ЖИЗНИ. Націонализмъ на всемъ готовомъ. І. Ларскаго	291
18. ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОТКЛИКИ. Въ жизни. Вл. Кранихфельда	306
19. ЗА РУБЕЖОМЪ. Австрійскіе выборы. К. Вейдемюллера.	318
20. КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ. Твори Т. Шевченка. Зъ малюнками.—А. Діесперовъ. Стихотворенія.—Д. Крачковскій. Разсказы.—Е. Миличъ. Легенды, сказанія и вымыслы.—Гр. А. Н. Толстой. „Двѣ жизни“. Романъ.—Веніаминъ Корчемный. Собраніе сочиненій. Т. II. „Казнь“ (очеркъ одной жизни).—М. Сивачевъ. „Прокрустово ложе“. Т. I и II.—Елена Грекова. Разсказы.—Новый энциклопедическій словарь. Изд. Брокгауза-Ефрона. А. И. Платоновъ. Къ вопросу о предстоящей церковной реформѣ. А. М. Бодянский. Духоборцы. Сборникъ разсказовъ, писемъ, документовъ и статей по религіознымъ вопросамъ.—В. И. Чарнолускій. Настольная книга по народному образованію. Т. IV.—О. Хауке. Русское землеустроительное законодательство.—І. М. Бикерманъ. Черта еврейской осѣдлости.—О. Семигъ. Великая годовщина. Борисъ Веселовскій. Исторія земства. Т. III.—К. Валишевскій. Полное собраніе сочиненій. Т. II. Ив. Блиновъ. Отношеніе сената къ мѣстнымъ учрежденіямъ въ XIX вѣкѣ.—Историческая библіотека „Сфинкса“. Т. I. А. Богдановъ и И. Степановъ. Курсъ политической экономіи. Т. I.—А. Мессеръ. Введеніе въ теорію познанія. А. Бизъ и Г. Симонъ. Развѣтїе интеллекта у дѣтей. „Итоги науки въ теоріи и практикѣ“. Изд. т-ва „Міръ“.—А. Вагнеръ. Новый курсъ въ биологіи.—Новыя идеи въ физикѣ.—Максъ Планкъ. Теоретическая физика. —Къ южному полюсу.—Въ трущобахъ Манчжуріи и нашихъ восточныхъ окраинахъ. Сборникъ. Н. А. Римскій-Корсаковъ. Музыкальныя статьи и замѣтки.	330
21. НОВЫЯ КНИГИ	358
22. ОБЪЯВЛЕНІЯ	360

суетливые огни житейских событий — фальшивая украшенная, кричащая дешёвым блеском, и Андрею стало ясно, что в тех событиях, которые составили его внешнюю жизнь, лицемерная душа его жила и питалась именно этими огнями — искажёнными, блёклыми, трусливыми отблесками в ней же пылавшего пламени, великого пламени любви к человеку, познания собственной мудрости ради" и т. д. Такими водянистыми, не совсем грамотными и поэтому ничего не говорящими разсуждениями наводисна вся повесть Корчемнаго, причём сь первой и до послѣдней страницъ повторяется все одна и та же мысль о непримиримости правды внутренней, личной, съ правдою міра. Скука, томительная скука царить надъ вторымъ томомъ собранія сочиненій Корчемнаго, и, если такимъ же настроеніемъ будутъ обвѣяны готовящіяся къ печати дальнѣйшіе томы собранія, то писательская слава автора померкнетъ съ такою же неожиданною стремительною, съ какою она вдругъ возсіяла при помощи „Сфинкса“. **Вл. Кр.**

М. Сивачевъ. „Прокрустово ложе“. Т. I и II. М-во Современныя проблемы. Москва. 1911. — „Прокрустово ложе“ — история пролетарія, стремящагося въ ряды интеллигенціи, трагическая судьба начинающаго писателя изъ рабочихъ, всѣми фибрами своего существа рвущагося къ свѣту культуры. Тема собственно не новая. Она не разъ уже разрабатывалась, напр., въ новѣйшей западно-европейской литературѣ. При чтеніи книги г. Сивачева то и дѣло вспоминаются знакомыя положенія, всплываютъ знакомые образы. Какъ въ „Голодѣ" Гамсуна, и здѣсь изображены физическія и душевныя муки начинающаго писателя, поставленнаго въ самыя тяжелыя условія жизни. Какъ въ „Дикой ордѣ" Бласко Ибаньеса передъ нами человекъ, вышедшій изъ низинъ, порвавшій съ своей средой и тишю пытающійся устроиться въ буржуазномъ мірѣ; и тамъ и здѣсь онъ встрѣчается на своемъ скорбномъ пути маленькую героическую женщину, которая въ мгновеніе скрашиваетъ его голодъ, но потомъ, надломленная нуждой и болѣзью, умираетъ и оставляетъ его одного продолжать трудную борьбу за жизнь. Вспоминаются и другія аналогичныя произведенія (напр., „Крестыне-студенты" А. Гарборга). И несмотря на то, что основная тема г. Сивачева и даже отдѣльныя ея подробности уже стали достояніемъ литературы, книга его читается съ такимъ интересомъ, какъ будто никто раньше

объ этомъ не писалъ. Это впечатлѣніе новизны обусловлено тѣмъ, что книга г. Сивачева не романъ, а непосредственная живая жизнь. Это автобіографія, въ которой мало Dichtung и почти все, а, можетъ быть, и все, доподлинная Wahrheit. Въ этой книгѣ бьется и истекаетъ кровью живое человеческое сердце. Авторъ не позируетъ передъ читателемъ, не старается поддѣлать свою физиономію, не хочетъ казаться интереснѣе, чѣмъ онъ есть. Эта искренность, не щадящая ни себя ни другихъ, нисволно подкупаетъ. А то, что онъ разсказываетъ, заставляетъ прислушиваться. Бывшій рабочій, не получившій образованія, почти ничего не читавшій, г. Сивачевъ чувствовалъ инстинктивную тягу вверхъ, въ міръ писателей, а міръ этотъ рисовался его наивному воображенію въ видѣ собранія боговъ и мудрецовъ, сѣятелей добра и счастья. Войти равноправнымъ членомъ въ это свѣтлое войско рыцарей духа стало его самой жгучей мечтой, а судьба М. Горькаго, характерная фигура котораго ярко, какъ путеводный маякъ, выдѣляется на темномъ фонѣ записокъ, служила ему ручательствомъ, что и человекъ низа можетъ встать на высотахъ жизни. И вотъ онъ начинаетъ писать и съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ стучится въ двери писателей и критиковъ, редакторовъ и режиссеровъ. Всѣмъ и каждому онъ ставитъ вопросъ: есть ли у него талантъ? Его встрѣчаютъ одни — холодно и враждебно, другіе — какъ нищаго больного, нуждающагося въ филантропіи, третьи — одними хотя любезными, но пустыми общаніями. Передъ наивнымъ мечтателемъ стала вдругъ голая правда жизни. Міръ боговъ сразу какъ-то померкъ, сдѣлался обыденнымъ, рыцари духа превратились въ самыхъ обыкновенныхъ смертныхъ, съ физиономіями „человѣческими, слишкомъ человѣческими". И, чѣмъ ярче раньше горѣла иллюзія, тѣмъ чернѣе кажется ему теперь действительность. Подъ вліяніемъ этого разочарованія г. Сивачевъ не всегда справедливъ въ своихъ оцѣнкахъ. Часто онъ принимаетъ за преднамѣренное оскорбленіе то, что на самомъ дѣлѣ только результатъ нашего дѣтловаго уклада жизни. Порой онъ видитъ нежеланіе ему помочь, гдѣ на-лицо только невозможность его устроить. Онъ и самъ оговаривается въ предисловіи, что многое въ его запискахъ слишкомъ „односторонне". Но, вѣдь, онъ и не создавалъ на основаніи отстоявшихся впечатлѣній жизни романъ, а фотографировалъ свою душу въ каждый отдѣльный моментъ ея „хожденія по мы-

тарства». А самое это «хождение» рассказано с такой большой искренностью, с такой нервной реакцией на внешнюю действительность, которая позволяет надеяться, что, автор «Прокрустова ложа», в конце концов, осуществит свою мечту войти равноправным членом в семью писателей, тем более, что, несмотря на выпавшие на его долю лишения, невзгоды и разочарования, он остался верен тому голосу, который с ранних лет звал его к служению литературе.

В. Фриче.

Елена Грекова. Рассказы. Спб. 1911— У большинства начинающих писателей есть неодолимая потребность повторять готовые образцы. Привычные эпитеты и обороты речи, набившие оскомину сравнения и параболы—имеют странную, несознаваемую силу почти над всеми вступающими на путь авторства: их первые опыты в девяти случаях из десяти засорены заимствованной и назойливой словесной шелухой. И, к несчастью, существует, повидному, только один способ освободиться от этого ненужного и чуждого: повторить это ненужное для того, чтобы никогда больше к нему не возвращаться. И каждый торопится прежде всего выложить то, что и без него уже все тысячи раз слышали. Это своего рода литературная корь, нечто в роде детской болтливости беллетристов, миновать которую удастся лишь очень немногим. А, может быть, и никому. Но некоторые переживают ее дома и счастливо успевают сбросить шелуху раньше своего появления на печати... А другие не только пишут, но и печатают в наши дни такого рода страницы, напоминающие блаженной памяти «Бднюю Лизу»: «Втрю ли я в судьбу, въ могуственный фатум? О, нехороший, злой человек, как мне не ахать ей, этой судьбе, если у меня единственная надежда на ее всецелую помощь, на то, что она снова приведет блгуца къ покинутой. Ах, как это было тяжело терять надежду, томиться от жажды, от страстной тоски, носить въ сердцѣ вѣчную, глухую, никому неслышную боль! И неужели так быстро н ослѣпительная настала часъ судьбы (?) О, если так, если я на самомъ дѣлѣ тебя увижу: «солнце, остановись»... и т. д.

Въ такихъ выраженіяхъ у г-жи Елены Грековой нѣкая прелестная молодая учительница, «Миладша» (Людмила), мысленно адресуется къ своему-возлюбленному, великолѣпному князю Верхогорскому, дополнительно награ-

ждая его классическим прилагательнымъ «жестокій». Въ свою очередь, князь заочно именуетъ ее «жесткой вонзельницей», а при встрѣчѣ заявляетъ ей, что она «такая же, какъ всѣ женщины, коварная, злая измѣнница»,—и добавляетъ: «Прощай! О, прощай навсегда, мечта любви»...

«Напитокъ любви»... «Невидимая съти»... «Ядовитыя стрѣлы»... «Меня влекла невѣдомая сила, рокъ»... «Власть священныхъ струнъ Аполлоновой лиры»...—такъ и сыплется у персонажей г-жи Грековой. По пути читатель представляется въ извѣстность, что «глаза—зеркало души»... А такъ какъ душа у всѣхъ дѣйствующихъ лицъ въ сущности превосходная, то все и кончается къ общему удовольствію: «самъ Богъ сказалъ, что нехорошо быть человѣку одному»... И потому «жестокій» князь и «коварная измѣнница» Миладша благополучно сочетаются законнымъ бракомъ. Вдобавокъ у бѣднаго изгнанника Русинова (того самого, который находится подъ властью «священныхъ струнъ Аполлоновой лиры») обнаруживается блестящій литературный талантъ, и, сверхъ того, его дочь опредѣляютъ безплатно въ гимназію, а самому ему дарятъ домъ, каковыми благодѣяніями онъ обязанъ своимъ друзьямъ: князю съ княгиней и богачу Добрыню—настоящему «доброму волшебнику», у котораго «и походка была счастливая,—быстрая, стремительная, какъ движеніе вѣтра молодого», и взглядъ «добрый и свѣтлый», хотя въ манерахъ нѣсколько чувствовалась «вѣжливо припрятанная когти льва»...

Въ этомъ разсказѣ, открывающемъ сборникъ и озаглавленномъ «Гдѣ шѣтуть азалін»,—все лубочно, ходульно и слащаво, нѣтъ ни одного живого лица, всѣ говорятъ чужими, высокопарными, ненужными и ветхими словами,—короче говоря, тутъ сразу уплачена литературной корн обильная дань. Къ счастью, эта болѣзнь не опасная, и въ слѣдующихъ разсказахъ отъ нея почти не осталось слѣдовъ. Люди—какъ люди, рѣчи—какъ рѣчи, естественныя, простыя, человѣческія; развѣ лишь немножко сентиментальныя. Запасъ наблюдений не великъ, кругъ темъ ограниченъ, обработка нѣсколько наивная и прямолинейная, но наблюдательность у автора есть, особенно въ области переживаній нетрудовой женской души и души ребенка. Есть типы и положенія, повторяющіяся у г-жи Е. Грековой: подростокъ, рвущійся къ образованію наперекоръ внѣшнимъ препятствіямъ; пропойца, сохранившій душу живую среди окружающей пошлости и грязи.